

СВИДЕТЕЛИ НЕПРАВДЫ
(аналитический обзор Первого международного
литературного фестиваля «Каптаруны»)

Татьяна Щитцова

28–31 августа 2016 в приграничной с Литвой деревне Каптаруны состоялся Международный литературный фестиваль «Каптаруны»), ключевая миссия которого, согласно замыслу организаторов¹ (Артура Клинова и Татьяны Артимович), состояла в том, чтобы обдумать – и тем самым приблизить – возможность диалога между украинцами, находящимися по разные стороны баррикад в текущем военном конфликте. В первую очередь (поскольку начинать резонно с самих себя) на повестке было обсуждение возможности диалога между самими украинскими литераторами, которые занимают противоположные позиции в отношении военных действий в зоне АТО и своим творчеством наполняют жестокую драматургию гибридной украинской войны разнотональной патетикой.

Необходимо также отметить, что первоначально организаторы планировали, что данный фестиваль станет не просто местом размышлений о возможном диалоге, а реальным опытом такого диалога или хотя бы его попытки (сродни той, что была предпринята С. Жаданом в Харькове²). Однако, в опровержение народной максимы «попытка не пытка», этот замысел не нашел достаточной поддержки со стороны украинских литераторов. В итоге с украинской стороны в фестивале приняли участие: Дмытро Билый, Александр Ирванец, Алексей Чупа, Любовь Якимчук и художница Алевтина Кахидзе. Современная беларусская литература была представлена следующими именами: Валентин Акудович, Наталка Бабина, Игорь Бобков, Альгерд Бахаревич, Ольга Гапеева, Алесь Гарбуль, Павел Кастюкевич, Виктор Мисюк, Игорь Прокопович, Андрей Хаданович, Юлия Тимофеева. Таким образом, в плане базовых социально-политических ориентиров и ценностей состав участников фестиваля (включая журналистов и других интеллектуалов) представлял собой

¹ В институциональном плане организаторами конференции выступили: Арт-деревня Каптаруны, Литературный дом «Логвінаў», Литературный музей имени Петруся Бровки, Институт Гёте в Минске.

² В декабре 2015 Сергей Жадан пригласил поэтессу Елену Заславскую (выступающую на стороне «Луганской народной республики») в Харьков принять участие в публичной дискуссии с европейскими интеллектуалами.

скорее круг единомышленников, значимым водоразделом между которыми было лишь одно обстоятельство – наличие или отсутствие опыта жизни в ситуации войны.

Отмеченный водораздел в значительной степени определяет и логику данного обзора, основным содержанием которого является антропологическое документирование в первую очередь опыта «их войны», как он был артикулирован украинскими участниками, и затем также – понимания украинской ситуации, озвученного беларусскими литераторами. В завершение будет сделано несколько аналитических выводов, касающихся концепции фестиваля в целом, а также произведенной им эвристики – как эмпирической, так и философской по своему характеру. Из сказанного следует, что данный текст – это не классический обзор-репрезентация, призванный дать целостное (объективное) представление о программе мероприятия³, а скорее свидетельское показание, в котором звучит то, что оформляется в регистре «затронутости затронутостью Другого» (Б. Вальденфельс).

1. Кристаллизации опыта войны

В этом разделе будут зафиксированы ключевые темы/тезисы, которые отчетливо проступили и приобрели особую плотность в ходе фестиваля, отличаясь сильным моральным напряжением (и вызовом). Как таковые они, как правило, не связаны напрямую с программными названиями различных панелей и дискуссий на фестивале (его официальная структура выполняла скорее организационно-упорядочивающую функцию), а были установлены исходя из течения – из самой магмы (если воспользоваться метафорой К. Касториадиса) – человеческого общения как его *наболевшие* точки кристаллизации. Такого рода глубинная феноменология⁴ соответствует обозначенному выше подходу к интересующему нас опыту в модусе субъективного засвидетельствования. Оправданность и ценность этого подхода обуславливается особым статусом, которым обладали украинские участники фестиваля: их приглашали и выслушивали как гражданских *свидетелей* войны – свидетелей не в смысле случайного невовлеченного наблюдения за происшествием, а в смысле реального личного опыта *жизни и творчества* в стране, находящейся в состоянии «необъявленной войны». Следующий ниже текст – сильное документирование того, что названное засвидетельствование имело место быть, причем в наиболее востребованном сегодня режиме живого человеческого общения – лицом к лицу.

³ С программой фестиваля можно ознакомиться по ссылке: http://kaptaruny.com/pershy_litaraturny_festyval/.

⁴ Здесь этот термин используется в культурно-антропологическом (эмпирико-описательном) смысле.

Кристаллизация 1: «Мы другие»⁵

Тема изменения (становления другими) вследствие опыта войны рефреном проходила через самые разные выступления. Важно подчеркнуть, что ее преимущественное обозначение происходило в модусе экзистенциального заявления, личного признания: я/мы стали другими. При этом становление другим/другой, собственная инаковость были тематизированы сразу в нескольких аспектах, среди которых особо отчетливо прозвучали следующие: 1) радикальность выхода за рамки прежней идентичности: «нас прежних уже нет», «не может быть как раньше»; 2) инаковость в сравнительной перспективе: «в отличие от беларусов»; 3) новое осмысление отношения к россиянам: «не могу их всех ненавидеть» (участница рассказывает о своих недавних переживаниях в московском метро); 4) опознание политического значения происходящих экзистенциальных трансформаций: «Важно, как мы меняемся в этой войне. В Украине все повзрослели; кто нет, не может освоиться в современной Украине».

Очерченная кристаллизация имеет отчетливый аффирмативный характер: заявленная трансформация самости переживается как позитивное обретение, активизирующее новый масштаб морального самосознания и тем самым открывающее новый горизонт для гражданской самореализации.

Кристаллизация 2: «Нужна терапия»

Здесь тоже имеется в виду трансформация самости, но не аффирмативного (моральноутвердительного), а скорее патологического характера. В выступлениях украинских гостей был намечен особый стигматизирующий дискурс, в основе которого лежало опознание (дефиниция) определенной группы людей как тех, кому «нужно лечение», – «хворих» в смысле глубокой экзистенциальной/ценностной дезориентации и подверженности страху. К этой группе были отнесены три категории лиц: простые («нейтральные») граждане, чья земля оказалась зоной ведения войны, беженцы и вернувшиеся с войны украинские солдаты. Социальный смысл состоявшейся стигматизации был при этом определен почти в гадамеровских терминах «неспособности к разговору»; говоря точнее, речь шла о морально-психологической неготовности людей, травмированных войной, к тому, чтобы (пытаться) налаживать гражданский диалог с целью прекращения войны. Более актуальной для них была признана именно терапия – понимаемая в широком смысле культурных, интеллектуальных и психотерапевтических стратегий, способных восстановить моральную и гражданскую состоятельность пострадавших от войны. В этой связи говорилось, в частности, о востребованности психоанализа и не-

⁵ Здесь и далее в этом разделе в кавычки берутся прямые цитаты из выступлений украинских литераторов.

обходимости «проработки травмы через язык» (в том числе – язык литературы), а также о литературных фестивалях как способах социальной терапии.

Важным элементом очерченной терапевтической темы было фиксирование ряда социально-политических факторов, способствующих утрате экзистенциальной ориентации и моральной состоятельности людьми, непосредственно затронутыми войной. Среди ключевых факторов были отмечены следующие: 1) отсутствие государственной поддержки людей, находящихся в оккупации (в том числе – «хотя бы» – моральной поддержки); 2) преобладание российского телевидения на оккупированных территориях; 3) дефицит в понимании причин конфликта или же существенно разное понимание таковых противоположными сторонами; 4) фрагментированная память вовлеченных граждан («многое забыли» из новейшей политической истории Украины); 5) отсутствие интеллектуальной критики в «ДНР».

Кристаллизация 3: «Национализм без ксенофобии»

Проблеме «новых национализмов» в Европе была посвящена на фестивале отдельная дискуссия, которую модерировал белорусский историк Алексей Браточкин. Вместе с тем для украинских участников «национальный вопрос» составлял одно из ключевых измерений – политическое пульсирование – всех их презентаций и рефлексий на фестивале. Соответственно, и названная кристаллизация относится ко всей совокупности их выступлений, в которых (имплицитно или эксплицитно) затрагивался данный вопрос. Примечательно при этом, что характер его обсуждения украинскими участниками не вписывался в концептуальную рамку упомянутой программной дискуссии, заданную противопоставлением «постнациональной Европы» и возвращением «к маленьким племенным государствам» (З. Бауман). Актуальный социокультурный и геополитический контекст в Украине, в котором, по свидетельствам наших соседей, происходит пересмотр вопроса о национальной идентичности, не позволяет редуцировать этот процесс к означенной выше бинарной оппозиции. Украинские литераторы зафиксировали несколько определяющих моментов, которые придают напряжению национальному вопросу и обуславливают его драматическую неоднозначность в текущей политической ситуации в их стране.

Во-первых, была отмечена значимость ближайшего исторического контекста возникновения суверенной Украины, а именно – того факта, что в 1991 для украинцев обретение собственного государства («впервые за 600 лет») стало непредвиденным событием («на халяву упало с неба»). Во-вторых, было засвидетельствовано, что чуткость к вопросу национального единства (а вместе с ней и чувство национальной принадлежности) обостряется в такой экстремальной ситуации, как развязывание войны. Этот опыт был артикулирован в лаконичной гражданской максиме «с нами так

нельзя», которая имела своим политическим результатом волну добровольческой мобилизации *прежде*, чем государство начало формировать Национальную гвардию. Третьим значимым моментом стало обозначение двух возможных сценариев социально-политического развития в Украине: «жесткого» (опирающегося на этноцентричный национализм) и «либерального» (при котором сочетаются этноцентричный и гражданский национализм). В качестве ключевой предпосылки для реализации второго сценария и был отмечен происходящий в современной Украине процесс формирования нового типа национальной идентичности, а именно – *идентичности без ксенофобии*. В этой связи наши украинские гости подчеркивали, что уже на Майдане, в рамках Революции достоинства, «изменилось отношение к русскоязычным». Из хроники военного времени в подтверждение этому была рассказана примечательная история в духе народных анекдотов: когда один из отрядов армии АТО услышал со стороны противника: «Хохлы, сдавайтесь!» – в ответ последовало: «Русские не сдаются».

В завершение следует отметить, что в контексте фестивальных дискуссий позиция украинских литераторов в отношении актуального национального самосознания соотносилась и отчасти перекликалась с высказываниями из других локальных перспектив: так, белорусский мыслитель Валентин Акудович утверждал, что условием спасения Евросоюза является возвращение внимания к национальному вопросу⁶, а немецкий журналист Инго Петц отметил возрастание интереса к национальному среди молодежи Германии.

Кристаллизация 4: «Нужен диалог»

Утверждение необходимости внутриукраинского диалога в связи с продолжающейся войной было озвучено фактически всеми участниками фестиваля, приехавшими из Украины. Диалог рассматривался ими и как перспективное средство прекращения войны («чтобы это не происходило вечно»), и как действенный механизм социальной интеграции после предполагаемого прекращения войны. Вместе с тем отмеченная всеобщая установка на диалог включала несколько категорических условий, обнажавших в самой этой установке также и признание *невозможности* диалога. Другими словами, выяснилось, что в реальной жизни – *in concreto* – имеет место готовность (гадамеровская «добрая воля») к диалогу только с одной группой лиц. В качестве партнера по диалогу были обозначены *исключительно* «люди на оккупированной территории», но ни в коем случае не «враги», не «коллаборационисты» и не литераторы, выступающие «рупором оккупантов».

⁶ Если я правильно понимаю посыл Акудовича, то происходящее в последние годы усиление политического веса «правых» в Европе следует рассматривать как следствие недостаточного внимания к национальному вопросу в странах ЕС.

Диалог, который мог бы вовлечь все стороны, рассматривался как социальный акт (режим взаимодействия), невозможный в *настоящем*, но при этом экстраполируемый в будущее как желаемый идеал. Художница Алевтина Кахидзе говорила в этой связи о необходимости «готовиться к условному диалогу», подчеркивая, что значимым вкладом в выполнение этой задачи является сбор информации от местных жителей (в зоне АТО), иначе говоря – антропологическое документирование жизни людей в условиях войны⁷.

В ходе дискуссий было обозначено и особое *морально-психологическое* условие, при котором мог бы состояться воображаемый общегражданский диалог, а именно – «покараение коллаборационистов». В целом при обсуждении возможности общегражданского диалога отдельное внимание было уделено аффективному измерению актуального социально-политического опыта украинцев (которое, как мы помним, отчасти уже затрагивалось и во второй кристаллизации). В частности, отмечалась склонность украинцев к одностороннему культивированию дискурса страдания, несчастья и жертвы, который также блокирует возможность продуктивного гражданского взаимодействия. В этом контексте была выявлена принципиальная связь между вопросом о возможности будущего общегражданского диалога в украинском обществе и тем, сможет ли оно преодолеть отмеченную выше склонность, утвердив иное отношение к собственной исторической судьбе, а именно «взять на себя ответственность – за вину и за нашу долю».

2. «Война – это неправда» (В. Акудович). Украинский опыт глазами белорусских литераторов

Выступления белорусских участников разворачивались на фоне разделяемого всеми признания, что события в Украине изменили ситуацию в Беларуси и что для белорусов война в Украине не абстракция («нам болит»)⁸. Три темы были при этом определяющими (в соответствии с задачами фестиваля): 1) возможность и необходимость диалога между украинцами, представляющими разные стороны в текущем военном конфликте; 2) роль литературы в преодолении противостояния и налаживании диалога в украинском обществе; и 3) поиск стратегий, позволяющих выйти за рамки противостояния идеологий.

⁷ В рамках фестиваля А. Кахидзе представила литературный перформанс «Звонки со Ждановского кладбища», основанный на ее телефонных разговорах с матерью, проживающей в городе Ждановка Донецкой области. Название перформанса связано с тем обстоятельством, что телефонные разговоры проходили в тот период, когда мобильная связь в городе работала только на городском кладбище.

⁸ Сказанное не отменяет, конечно же, и понимания того, что, во-первых, в Беларуси остается относительно большой процент людей безразличных или неспособных определить с собственной позицией в отношении ситуации в Украине (так называемое «болото») и, во-вторых, среди неравнодушных много тех, кто поддерживает политику Путина.

По первой теме высказывания белорусских участников отличались той же антиномичностью, которая была выявлена в позиции украинских коллег (четвертая кристаллизация): с одной стороны, речь шла о *безотлагательной* необходимости возобновления попыток налаживания диалога, с другой – подчеркивалось, что «сейчас диалог невозможен». В актуальном плане позитивным ориентиром и внушающим сдержанные надежды прецедентом служила уже упоминавшаяся в начале данного обзора встреча в Харькове, в которой принимала участие поэтесса Елена Заславская, представляющая «Луганскую народную республику». Даже при самой критической оценке результатов этой встречи никто не высказывал сомнений в том, что само ее проведение является чрезвычайно важным фактом. Его значимость внятно прочитывалась в словах Артура Клинова о том, что необходимо по мере сил содействовать тому, чтобы стал возможен «диалог не украинцев с “мутантами”, а украинцев с украинцами». Закавыченное неблагозвучное слово в приведенной цитате – след брутальной медийной реальности, формирующей дискурсивную плоть идеологического противостояния, которое превращает войну в Украине в «войну миров». Призыв организатора фестиваля означал, таким образом, что попытки проведения двусторонних встреч должны в первую очередь помочь воспринять украинских сторонников ДНР и ЛНР как партнеров по разговору. В этой связи отмечалось также, что шансы организации таких встреч возрастают, если имеется посредник, пользующийся равным доверием конфликтующих сторон. Наиболее перспективным посредником в этом отношении (и, соответственно, наиболее подходящей нейтральной территорией) была названа Беларусь.

Вторая тема (из перечисленных выше) была политически заострена в программной для фестиваля формулировке «литература как пространство консолидации». При этом аффирмативный пафос данного заявления относился отнюдь не к настоящему, а к идеальному будущему, достижимость которого неизбежно выглядела проблематичной не только на фоне принципиального отказа украинских участников от диалога с литераторами, выступающими в интересах «врага», но также и на фоне состоявшихся на фестивале литературных чтений, на которых украинские авторы собственным творчеством засвидетельствовали способность литературы/поэзии быть энергетическим ресурсом консолидации (см., например, сборники стихов: «Песни войны» Александра Ирванца; «Абрикосы Донбасу» Любови Якимчук) – однако консолидации именно тех, кто находится *по одну линию* украинского фронта.

Вопрос о том, каким образом литераторы – несмотря на актуальную невозможность диалога – могли бы приблизиться к выполнению заявленной политической миссии, получил несколько линий развития. В частности (в унисон со схожими высказываниями со стороны украинских участников), говорилось о важности «отражать ситуацию», а именно – предъявлять опыт войны без осущест-

вления идеологического кодирования. В связи с чем особо подчеркивалась роль рефлексивности в работе литераторов и творческой интеллигенции в целом. Были также выделены жанры и художественные форматы, которые становятся приоритетными в свете военной agenda: к таковым отнесены поэзия, перформанс, театр, способные как раз работать в привязке к конкретной ситуации (вплоть до перформативного включения в нее).

Заявление литературы как потенциального «места диалога» (в первую очередь диалога самих литераторов, в настоящее время находящихся друг с другом в состоянии войны) имплицитно содержало в себе *сильное* понимание литературы как стратегии, позволяющей выйти за рамки противостояния идеологий. Это притязание было подкреплено и расширено дополнительными предложениями в отношении того, какой публичной стратегии в поле культуры должны придерживаться интеллектуалы, чтобы открылась возможность мышления и разговора, не скованных рамками (кандалами и кознями) идеологических клише различного происхождения. Суть намеченной стратегии заключается в том, чтобы инициировать интеллектуальный процесс, не подчиненный логике противостояния, в соответствии с которой любое высказывание появляется на свет в той или иной агональной форме (защиты, возражения или нападения). Тем самым предполагается, что должна быть предложена повестка (перспектива для разговора), идущая *вразрез* со «злостью дня», определяемой войной соответствующих идеологических дискурсов. В качестве примера реализации очерченной стратегии был назван проект «Понять Украину», который в течение года проходил в Минске в книгарне «Логвинаў» (куратор проекта – Игорь Бобков) и ключевой установкой которого было обращение к высокой украинской культуре, позволившее в итоге развернуть существенно иную геокультурную систему координат для осмысления нашего актуального регионального опыта. В этом же ключе говорилось о важности организации (как в самой Украине, так и на интернациональном уровне) чтений произведений украинской литературы, в которых речь НЕ идет о войне, но которые дают основание «позиционировать украинскую литературу как мировую».

Концептуальное ядро – онтологический смысл – очерченной выше интеллектуальной стратегии был схвачен в лаконичной дефиниции В. Акудовича «война – это неправда», «много неправд». Следует подчеркнуть, что эта оценка встретила принципиальное возражение со стороны украинских гостей, не считающих возможным придать «своей правде» (передать «свою правду», придав ей) прямо противоположный статус. На мой взгляд, это был один из самых значимых моментов фестиваля, обнажающий аффективные корни политической консолидации в условиях войны. Из перспектив, введенной Акудовичем, ни одна из воюющих (украинских) сторон – просто в силу того факта, что каждая отстаивает «свою правду», – не может притязать на *безусловную* правду. При этом фактичность войны – с ее жертвами, возведенным в повседневность страданием,

нарастающим абсурдом и разложением моральной ткани человеческих взаимоотношений – каждый день пронизывает жизнь людей собственной онтологической «неправдой».

Высказывание Акудовича позволяет, таким образом, заострить внимание на том заслуживающем осмысления обстоятельстве, что категоричность отстаивания «своей правды» прямо пропорциональна решимости принять/допустить онтологическую «неправду» войны⁹. Нетрудно предугадать, что этот аффективный узел является приоритетной целью идеологической работы. Идеология обретает желаемую суггестивную силу как раз благодаря тому, что находит способ апроприировать онтологическую «неправду» войны в своих интересах: всякий раз, когда она производит дискурс «наши жертвы не напрасны», она придает исключительную моральную убедительность «своей правде» – убедительность не рациональную, а аффективную и потому неоспоримую¹⁰. При этом производимая идеологией патетика войны строится на внутреннем согласии воюющих оправдывать онтологическую «неправду» войны ценностью «своей правды» в развернувшемся противостоянии. Вопрос, который обнажается по линии экзистенциального расхождения между Акудовичем и украинскими интеллектуалами, – это вопрос о возможности пересмотра сложившейся таким образом иерархии ценностей военного времени, которая, с одной стороны, питается аффективной решимостью «идти на жертвы», с другой – сама эту решимость воспроизводит с помощью медийных маневров идеологии.

В свете последнего вопроса имеет смысл обратить внимание на недостаточную продуманность главной концептуальной формулы фестиваля, выражающей политический телос всего мероприятия, – «литература как место диалога». Не вполне отрефлексированным остался тот факт, что актуальная невозможность диалога между литераторами, находящимися по разные стороны линии фронта, обусловлена не литературными различиями между ними, а полярной разницей в гражданской позиции. Соответственно, заявление литературы как (потенциального) пространства консолидации – консолидации не ради победы в войне, а ради ее прекращения, – требует прояснения того, каким образом литературная среда или литературный опыт могут если не аннулировать, то хотя бы на время обесточить мобилизационную патетику войны, освободив тем самым место для диалога там, где до этого была конфронтация. Это значит также, что нужно спросить, как (и в чем) литература может оказаться *сильнее* «своей правды» писателей, не готовых первоначально от этой правды отступить. Ведь, чтобы стать местом диалога и, тем паче, консолидации, ей нужно провести такой арт-маневр, который снимет (по-гегелевски) антагонизм воюющих.

⁹ В этом утверждении несложно расслышать отголоски гегелевской теории борьбы за признание Йенского периода.

¹⁰ Ср. в этой связи: Т. Щитцова: Невозможность теории, в: Т. Щитцова: *Антропология. Этика. Политика*. Вильнюс: ЕГУ 2014, 212–222.

Таким образом, если воспринимать предложенную политическую формулу фестиваля всерьез, а не как фигуру речи, то писателям – если быть последовательными с выводами – надо больше довериться службе литературному делу, нежели голосу «своей правды», чтобы поспособствовать *демилитаризации* нашего жизненного мира, что, на мой взгляд, составляет ключевую задачу современной культурной политики. Этот вывод лишь на первый взгляд звучит парадоксально. Между тем украинские литераторы сами неоднократно (пускай и не вполне осознанно) намечали именно такую систему приоритетов, когда подчеркивали значимость простой (свободной от идеологической хватки) *феноменологии* опыта жизни в ситуации войны. В чем эта значимость? Вопрос тем более интригующий, что литературной феноменологией, гипотетически, могут заниматься писатели, оказавшиеся по разные стороны линии фронта. Значимость в том, что, работая как феноменология (а не, например, как рупор политического движения), литература способна выявлять онтологическую неправду войны на уровне мельчайших структур и практик повседневности. В таком своем – в сущности, наиболее аутентичном – качестве литература оказывает уникальное противодействие идеологическому дискурсу, манипулятивная работа которого притупляет и заслоняет онтологическую неправду *реальной* войны. Литература может помогать сохранять и даже, вероятно, восстанавливать экзистенциальную чуткость к тому, что «война – это неправда», и тем самым помогать вызревать мотивации, идущей вразрез с фронтальным насилием военного и идеологического противостояния.